

клеточки, эта линованная бумага и этот странный циферблат, ничего не отмечающий, но и ничего еще и никому не простивший...

Милая Екатерина Максимовна... Я вижу, что Вы хмуритесь, что Вы огорчены, разочарованы, раздосадованы, почти обижены...

Вечер... Тишина... Одиннадцать часов... А я-то столько хотел Вам сказать... Мысли бегут, как разорванные тучи... Чу... где-то сдвинулись пустые дрожжи... Если у Вас есть под руками цветок, не держите его, бросьте его скорее... Он Вам солжет... Он никогда не жил и не пил солнечных лучей. Дайте мне Вашу руку. Простимся.

Ваш И. Анненский.

№ 4.

14/XII 1906.

Ц(арское) С(ело).

Дорогая Екатерина Максимовна,
Простите за каракули, и то запоздалые. Я тут прихворнул. Очень благодарю Вас за сведения о книгах. (Одно слово неразб. — *И. П.*) (эти легенды для детей) — самая подходящая книга, и я пошлю за ней к (одно слово неразб. — *И. П.*). Ведь там ее найдут, не правда ли? Переплет? Это не так важно, если нет в переплете или хотя бы в картонаже.

Пожалуйста, не хворайте. Оставьте же и нам хоть какую-нибудь привилегию... Читаю, лежа в постели, Ибсена... Снежные люди... Снежные люди... Поющая руда... Недвижные, застывшие розовые зори... Женщины с кроличьими воротниками, молитвенником... и острый, убивающий воздух голых утесов... Зима... зима жизни... Ибсен?... Какой это в жизни, должно быть, был тяжелый человек... Он пишет — точно хоронит... От того ли, что от героинь его пахнет елкой и можжевельником?..

Когда же Вы в Царское?

Ваш И. Анненский.

№ 5.

16/XII 1906.

Ц(арское) С(ело).

Дорогая Екатерина Максимовна,
Милая, привезите легенды. Не знаю, когда я выберусь. Хотя я и ползаю, но только по комнатам. Едва ли выеду ранее 22-го, на какое-то число отложил заседание Попеч(ительного) Сов(ета). Иначе — ранее конца месяца я бы и не рискнул даже. Ведь инфлуенца c'est comme la femme: c'est trompeur *. Сегодня целый день сижу за бумагами... Вышел Еврипид... Вы любите Ибсена?... Холодно... резко... до жесткости резко иногда. Сегодня вечером, когда кончу ненавистные дела, буду читать «Женщину с моря»... Знаете? Чем более я думаю над Гамлетом, тем ничтожнее мне кажутся выводы мои из этой трагедии¹⁶. Боюсь, что все мои заметки сведутся к тем словам, которые Эккерман приписывает Гете: «Пьеса, как „Гамлет“, все-таки, что бы там ни говорили, лежит на душе, как беспросветный загадочный вопрос...»¹⁷. Гамлет?... Право, о нем уже были сказаны все слова: и звучные, и глубокие, и острые, и жгучие... и какие еще... Да и страшно говорить о нем после Гете, Гервинуса, Куно Фишера, Брандеса, Белинского. Страшно, а в то же время влечет, как море, как бездна, как чуткое безмолвие... То, что у меня было написано, я отверг и уничтожил. Слава Богу, отделался хоть от одного кошмара¹⁸.

* C'est comme la femme: c'est trompeur — как женщина: она обманчива (франц.).